

Облака над Императорской столицей были нежного розового цвета, словно скулы поддавшейся робости красавицы. Мягкими валами тучи неспешно наползали друг на друга, закрывая собою голубое небо, не позволяя случайным людям глядеть на то, как оно темнеет. Из-за такого облачного полога закат был мягкими и особенно трепетным, будившим в душе чувства искренние, словно плач.

Господин Ли возвращался из министерства доходов привычной своей дорогой к поместью Третьего принца. Молодой человек уже был представлен Императору и обладал влиянием немалым на внутренний двор, но ранг его все еще был низок, потому повозок, паланкинов или сопровождающих ему не полагалось — ну и пусть, Ли Инчунь всегда любил гулять пешком. Глядя, как неторопливо сворачивают свои лавки торговцы, как дети спешат домой и в голосах людей прошедший день оседает довольной хрипотцой, господин Ли чувствовал, что и сам является частью этого суетного мира. Частью быть может чуть более важной, чем люди вокруг — мысли об этом грели юное сердце Ли Инчуна, как греет любого молодого человека фантазия о могуществе. На лице его, однако, было лишь достойное, задумчивое выражение, что должно было горожанам вокруг уверенностью взгляда и решимостью, таящейся в изгибе бледных губ, сообщать о большом будущем этого человека.

Господин Ли неспешно шел по улице — когда вдруг сзади раздались испуганные крики и лошадиное ржание. Ли Инчунь отступил в сторону и едва думал обернуться, чтобы посмотреть на происходящее, когда мимо вдруг пронеслась тень, закрыв талое солнце, и рядом с ним остановилась повозка. Выполненная из темного дерева, она казалось неказистой за счет толстых перекладин и узких, словно бойницы темницы, окон. На повозке не было особенных гербов, но знающие люди быстро поняли, что она относится к министерству войны.

Перед Ли Инчуном открылась дверь повозки и из ее душной темноты раздался голос:

— Садись.

Господин Ли невольно огляделся. Горожане, замечая его взгляд, торопливо прятали глаза и отходили в сторону: каждый чувствовал, что происходящее сулит проблемы, и не думали вмешаться, заступаясь за кого-то. Ли Инчунь и сам знал, что грядущего разговора не избежать, потому втянул носом воздух и залез в повозку. Едва дверь за ним закрылась, экипаж вновь резко сорвался с места, уносясь черной тенью по темнеющим улицам.

Внутри господин Ли не успел сесть, потому от резкого движения неловко упал на сиденье, ударившись головой о стену повозки. Еще прежде, чем он успел подумать об этом, его внутренний взор представил, как сейчас же крепкая рука поддержит его и поможет выпрямиться — но того не произошло. Ли Инчунь на миг даже удивился своим мыслям и привязанности, возникновения которой он не замечал. Впрочем, лицо юноши осталось бесстрастным.

Потребовалось некоторое время, прежде чем глаза господина привыкли к полутьме, что царил в повозке, но он и так знал, кто сидит перед ним. Вздохнув, юноша сказал:

— Если вы хотели поговорить со мной, то могли просто пригласить. Ни к чему похищать меня на улице, генерал.

Из темноты раздался едкий смешок. Ли Инчунь не видел лица, но мог разглядеть фигуру хоу, что в узком экипаже казалась подавляющей. Пань Тань ответил:

— Что? Боишься, что Третий принц придумает себе лишнего?

— Он не таков, — покачал головой Ли Инчунь. — И знает, что я ему верен...

В этот момент Цзяньняньский хоу вдруг вздернул руку и ударил по стене повозки так, что вся она содрогнулась. Господин Ли невольно проглотил слова, что уже крутились у него на языке, и в тишине, прерываемой лишь шумом стучащих по дороге колес и ржанием коней, Пань Тань сказал:

— Верен настолько, что решил подставить хороших людей?

Господин Ли знал, что этот разговор случится. В темноте двора, отведенного ему Третьим принцем, он лежал без сна, придумывая, что ответит, и какие слова убедят хоу, но не разгневают его. Однако теперь, глядя прямо в лицо этого человека, красивые черты которого все явственнее проступали в полутьме, Ли Инчунь отчего-то не хотел оправдываться. Он и так рядом с ним всегда подбирал слова и выражения, старался быть мягче, убедительнее, благодушнее — с прославленным генералом он общался, словно с малым ребенком! Господин Ли не чувствовал своей вины, ведь, говори он по-другому, показывая истинные свои чувства и желания хоу, тот никогда не возомнил бы назваться его другом.

После возвращения Цзяньняньского хоу в столицу прошло много времени и даже он, ослепленный только богам ведомыми чувствами, уже осознал собственное здесь положение и положение господина Ли. Ли Инчунь мог больше не стараться быть хорошим.

И все же слова его не были лишены мягкости.

— Генерал, вы знаете и сами, что это было необходимо.

— Что? — уязвлено уточнил Пань Тань, распаляясь с каждым мигом все более и более. — И требовать казни министра Сяня было необходимо?

Господин Ли знал, что разговор к этому идет, но в момент, когда заветные слова сорвались с чужого языка, почувствовал вдруг небывалую усталость. И отчего человек перед ним, не имеющий никакой связи с чиновником Сянем, так вступает за его прах? Подобные люди, трепетные ко всем вокруг без всякой меры, невообразимо раздражали Ли Инчуня.

— Да, — просто ответил он. Пань Тань, видимо, не ожидал честного ответа, потому от злости громко хмыкнул:

— И кому же, позволь узнать, это было необходимо?

— Иным главам лагерей для беженцев, самим беженцам и, конечно же, Его Величеству.

— Не считаешь ли своего хозяина уже владельцем Драконьего трона?

— Нет, я говорю о нынешнем Императоре, — не смутившись чужой издевки, ответил господин Ли. Пань Тань хотел сказать что-то, но резким движением юноша вскинул руку и без всякого заискивания сказал: — Нет, позвольте мне продолжить, — Генерал глубоко вздохнул и, сложив руки на груди, откинулся на кресло, позволив юноше говорить. Тот не стал медлить. — Смерть господина Сяня действительно была государственной необходимостью. Он не был виновен в растратах и был, возможно, одним из самых честных слуг Его Величества — но людям, пострадавшим от нехватки продовольствия, этого не объяснишь. Для них именно он виновен в голоде, и, если бы люди Императора взялись за долгое расследование, то крестьяне восприняли бы это как попытку защитить негодяя. Поднялся бы бунт более, чем тот, который допустил чиновник Сянь, недовольство бы разгорелось на всех концах страны и даже ваша

хваленая армия не смогла бы выстоять.

— Это лишь один из вариантов, людям можно было бы рассказать...

— Каждому не объяснишь, а люди голодны и требуют справедливости. Даже если силой генерал заставил бы их смириться, это вылилось бы лишь в большее недовольство в будущем. Его Величество больше всех прочих не хотел награждать годы верности господина Сяня подобной судьбой, но он же и понимал, что иного выхода сейчас нет.

— Это Третий принц и ты надавили на Императора, — упрямо отозвался Пань Тань. Господин Ли подвел глаза:

— Император не малый ребенок, он прекрасно понимает, что делает, и чьим уговорам поддается. Мы предложили вариант выставить господина Сяня виновником голода и покарать его для успокоения людей — и Его Величество согласился.

Некоторое время Цзяньняньский хоу молчал, открывая рот и тут же закрывая его снова. Наконец он выдохнул:

— Не могу поверить, что ты способен на такое...

— Отчего нет? — легко отозвался господин Ли. Он испытывал радость от того, что наконец-то может высказаться честно, не боясь в чужих глазах запятнать свой чистый образ — и в тоже время душа его стенала от потрясения в чужом взгляде. — Таково управление государством: если делать все по совести, ничего хорошего из этого не выйдет. Вы ведь и сами видели это, генерал: когда вы сражались честно и оберегали покой столичных чиновников, они поливали вас грязью за спиной и всячески порочили перед Императором — воздалось вам ваше благородство? Император глядел на ваши поступки? Он оценил вас так, как должен был?

— Император понимает...

— Император знает, кто полезен ему, а кто нет. Вы сейчас, генерал, таите своей наивной благодетелью для Его Величества опасности больше, чем пользы, потому он вас сторонится. Потому придворным и мне в том числе удастся раз за разом отодвигать вас далее и далее, — господин Ли подался вперед и впервые, вероятно, за все их знакомство сам первым сжал чужую руку холодными пальцами. Когда-то Пань Тань готов был разбить орды врагов за это робкое прикосновение, но теперь вдруг ощутил, как рука его немеет, словно от прикосновения к чему-то небывало мерзкому. — Для получения положенного признания, генерал, нет путей правильных и неправильных: есть только те, на которые вы готовы пойти.

— Ты всегда был таков? — вместо ответа спросил Пань Тань. С некоторой неловкостью господин Ли убрал руку и выпрямился, вновь приняв благородный вид. Он сказал:

— Вы видели меня таким, каким сами желали, и пришлось потрудиться, чтобы открыть вам глаза.

Цзяньняньский хоу молчал еще мгновение, прежде чем отвести взгляд. За разговором двое не заметили, как повозка остановилась и их сдавила вдруг удушающими объятиями тишина.

— Убирайся, — сказал Пань Тань. Ли Инчунь вдруг испытал вину, какую он всегда испытывал, когда проявлял свой нрав при генерале, потому попытался смягчить последние свои слова:

— Мы в разных ставках, но для меня не пустой звук наша дружба, потому до сих пор я старался

защитить вас и буду продолжать делать это впредь.

— Дружба? — переспросил Пань Тань и зло усмехнулся. Он хотел что-то сказать, открывал рот, но тут же резко выдыхал, словно любые слова были бы слишком мягки. Наконец он сказал снова: — Проваливай.

— Генерал... — сказал было господин Ли, но хоу вдруг повторил ледяным тоном, каким отчитывал обычно солдат:

— Ты не слышал? Дружба? Я не хочу больше даже слышать о таком гадком человеке, как ты.

Ли Инчунь чувствовал себя в некотором роде виноватым — но терпеть грубость бы не стал. Он нахмурился тоже.

— Я говорю это, потому что вы дороги мне...

— Прибереги свои сладкие речи для Третьего принца.

— Сладкие? Да я никогда!.. — возмутился господин Ли, но тут же сам заставил себя замолчать. Он несколько раз медленно вздохнул и поднялся. Однако прежде, чем уйти, юноша поглядел на генерала: — В моих слова нет лжи: я искренен именно потому, что считаю вас другом. Можете презирать меня, можете не соглашаться с моими мыслями, можете продолжать рушить свою репутацию. Но становиться моим врагом я вам не советую.

Сказав так, господин Ли покинул повозку. Он раздраженно отошел от нее на несколько шагов и полы его одежд огладил ветер, что поднялся, когда экипаж резко тронулся с места. Несколько мгновений Ли Инчунь пребывал в раздражении, потому не замечал ничего вокруг — и лишь после этого обратил внимание, что повозка хоу остановилась ровно у задних ворот поместья Третьего принца. Как бы Пань Таню не был неприятен этот наследник и факт, что господин Ли служит ему, он все же проявил такое свойственное себе благородство...

Ли Инчунь больше не желал об этом думать. Взмахнув рукавами словно в желании отогнать от себя навязчивые мысли, господин Ли коротко постучал в двери поместья и вскоре скрылся в его таинственных глубинах.

С тех пор отношения между ним и Цзяннаньским хоу совсем разладились. Были ли причиной твердые убеждения генерала, или гордость, которая не желала смириться с последними словами господина Ли и подстрекала действовать ему вопреки назо, но Пань Тань больше не глядел на Ли Инчуня с затаенной нежностью: скорее тому доставались взгляды полные презрения и холода. Не бывает ненависти более глубокой, чем возникшая из поруганной привязанности — и к своему несчастью господин Ли в эти месяцы убедился в том более, чем кто-либо другой. В соответствии с конфуцианскими канонами ему следовало бы смириться с этим и отпустить: однако Ли Инчунь не был из тех, кого принято называть «хорошими людьми». Задетый не столько чужой твердолобостью, сколько желанием хоу разладить любое важное для господина Ли дело, он преисполнился к нему той же неприязнью. Кроме того, Ли Инчунь оставался приближенным Третьего принца, и в его ставке, настроенной к Пань Таню крайне недружественно, и сам вскоре проникся теми же настроениями.

На каждом собрании двое спорили так, словно от этого зависела их жизнь, не стесняясь в выражениях и громких словах. Несколько раз Император выговаривал им, несколько раз назначал легкие наказания, чтобы показать свое недовольство, но в конечном итоге спор ведь шел за дела государства — пусть даже и был прикрытием для вымещения взаимной неприязни, — и останавливать в нем чиновников было не совсем правильно. Со временем и Император

смирился с текущим положением дел: все же, пока двое перетягивали на себя все любопытствующие взгляды, делам, творящимся за красными стенами, уделяли куда меньше внимания.

Тем временем приближалось празднование Нового года и помолвки хоу, обещанной ему еще до провального похода на варварские племена. Отказаться от своего намерения выдать замуж за Пань Таня Четвертую принцессу Его Величества бы не смог без ущерба собственной репутации — потому, кривясь, все же отдал приказ готовиться к пышному празднованию. Ни семья принцессы, ни она сама не была довольна этим браком — однако слово Императора, что трясся за свою репутацию пуще, чем за саму жизнь, было нерушимее гранитных плит, и отговорить его в эту пору не смогли бы ни боги, ни демоны. Разбитые несколько лет назад варвары, по слухам, вновь набирали силу, при дворе ставка Третьего принца готова была перегрызть горло людям Второго, а Пятый Его Высочество, вопреки приказу Императора, не желал возвращаться из цзянху, куда тайно сбежал этой весной, принося своему отцу, видящему в тревожных снах обступившую столицу армию этого никчемного Пятого сына, немало беспокойств.

Но что было до этих тревог тем уголкам Запретного города, которых не касался охватывающий будущее всех Центральных равнин взгляд Его Величества? В малых залах и кабинетах кипели обсуждения, евнухи стерли ни одну пару туфель, по ночам принося все новые и новые свечи и масляные лампы трудящимся чиновникам, Император больше не мог сказать, когда за государственными заботами последний раз посещал свой обширный гарем. А в тихих павильонах Четвертой принцессы, носящих название двора Парящего феникса, царило мрачное, но исполненное величия спокойствие.

Наступившая зима посеребрила ветви ив и вишен, мощенные серым камнем дорожки обратились едва приметными тропками меж белоснежных сугробов, а широкий пруд в саду, принадлежавшем принцессе, покрылся толстой коркой прозрачного льда. Девушка не позволяла слугам расчищать снег слишком сильно, чтобы не уничтожить очарование зимы, а потому, чтобы не поскользнуться, гулять ей приходилось опираясь на двух своих приближенных служанок. Это, впрочем, не омрачало выражения радости, красящего алым лицо девушки.

— Посмотрите, как искрится снег! — с чистым восторгом ребенка восклицала Фу Лихуа. Она была дочерью наложницы Минь, и в нее пошла красотой и свежестью лица. Если Фэн Сяолин из поместья старого генерала называли первой красавицей столицы, то Фу Лихуа с гордостью носила звание второй: у нее было круглое лицо, живые черные глаза и нежные, словно сливовые лепестки, губы. Тонкие брови девушки чуть приподнимались к вискам, делая выражение лица извечно удивленным, какое так и хотелось защитить от всех тягот и невзгод жестокого мира. Даже служанки, что видели госпожу каждый день, иногда замирали, сраженные ее красотой, и их скулы алели, словно за зимними ветрами вдруг наступила весна.

Одна из девушек не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться Четвертой принцессе.

— Верно госпожа, сегодня очень красиво! Видите, как славно: стоило выйти на прогулку, и вы забыли о своих печалях!

Вторая служанка бросила на подругу злобный взгляд: если госпожа забыла о своем горе, то следовало ли ей вновь напоминать?! Первая девушка и сама уже поняла свою глупость, когда лицо Фу Лихуа вдруг замерло, а после на нем появилось расстроенное выражение. Служанка попыталась загладить свою вину:

— Госпожа, не печальтесь! В поместье хоу тоже будет и зима, и снег — еще, быть может, будет и красивее!

— Может ли поместье опального генерала сравниться с Запретным городом? — отозвалась Четвертая принцесса и выдернула свою руку из ослабшей хватки служанки. Той осталось только опустить голову и покорно следовать за госпожой, в шаге которой больше не было размерности, а появилось раздражение и злость.

Вторая девушка, что была чуть умнее, принялась уговаривать Фу Лихуа:

— Госпожа, эта служанка понимает вашу печаль.

— В самом ли деле? — уязвленно спросила Фу Лихуа. Когда она резко повернула голову, нефритовое буюо в ее волосах грубо зазвенело, словно подчеркивая недовольство хозяйки. — Тебе уже двадцать два: через пару лет твой контракт закончится и ты сможешь покинуть Запретный город. Дворцовое управление найдет тебе хорошего мужа по статусу — а что же делать мне? Я принцесса — но вынуждена идти за генерала, которого никто в городе нынче ни во что не ставит! Можно ли придумать оскорбление более жестокое?

— Это лишь плохое время, генерал еще добьется славы... — неуверенно сказала первая служанка и Четвертая принцесса обернулась к ней.

— Честь нам дается одна на всю жизнь, а на чести того человека потоптался уже и последний нищий! Как тогда называть меня, его будущую жену? Кем меня считать? Будущие свершения, хмф! — Фу Лихуа раздраженно взмахнула рукавами богатых одежд. — Его поместье придет в упадок и мне придется следить за всем, словно крестьянке — вот какая судьба меня ждет!

Первая служанка опустила голову, больше не смея перечить. Фу Лихуа отвернулась и пошла дальше, а вторая девушка рядом с ней сказала:

— Мэй-эр говорит глупости, но и доля правды в ее словах есть.

— Правды?! — взвилась Четвертая принцесса. — Какой еще правды?

— Не стоит сбрасывать генерала со счетов — он человек упорный, — спокойно отозвалась служанка. Фу Лихуа хотела возразить, но девушка продолжала: — Много людей сейчас против него, но это лишь значит, что многие признают его власть опрокинуть облака и перевернуть землю. Что же до самого жестокого оскорбления... — первая служанка сдержанно хихикнула. — Разве называвшись когда-то самой желанной невестой теперь, переступив порог двадцатилетия, больше не иметь претендентов на свою руку не есть величайший позор?

От этих слов лицо Четвертой принцессы посветлело. В самом деле, она была разочарована недалекостью своего генерала, который даже теперь не желал тихо налаживать свои дела, но он все еще оставался видным чиновником и мог вернуть себе былое влияние. Фу Лихуа была влюбчива, потому после возвышения Пань Таня точно прониклась бы к нему снова теплыми чувствами. Что же до Первой принцессы, с грацией и манерами которой Четвертую дочь Императора сравнивали все их детство, сейчас многим очевидно было уже то, что она сгниет в Запретном городе. И разве помогли ей ум и знакомства? От мыслей об этом к Фу Лихуа вернулось доброе расположение духа.

— Ты права, — не показав своей радости ответил она и вздохнула. — Отчего я плачу о своей судьбе? Старшая сестра — вот кого нужно пожалеть от всего сердца!

— Когда Пятый принц сбежал в цзянху, она принялась выгораживать его перед Императором, и разозлила его до того, что до сих пор все ее приглашения Его Величества отвергает, — злорадно заметила вторая служанка. От ее слов Четвертой принцессе стало еще спокойнее — ее отношения с отцом, несмотря на недавний бунт против замужества, все еще были достаточно хороши. Если так продолжится, то даже не сложись у Пань Таня с карьерой, Фу Лихуа сможет вернуться во дворец, под защиту отца, а после — кого-то из братьев, и не закончит свою жизнь в бедности. Это было хорошо.

Четвертая принцесса вовсе не была злобной девицей, которая наслаждалась чужими страданиями — но старшую сестру она действительно недолюбливала. Девочки росли в разных павильонах, под присмотрами разных слуг и редко слыша друг о друге — разве могли они в самом деле проникнуться друг к другу теплыми чувствами? Кроме того, наложница Минь, мать Четвертой принцессы, все еще была в добром здравии и тщательно оберегала дочь, тогда как Первая принцесса все свое внимание отдавала опальному Пятому принцу.

Да и разве не было чего-то человеческого в желании Фу Лихуа посмеяться над чужой бедой в момент, когда ее собственные дела были не так хороши, как девушке того хотелось? Она не планировала строить Фу Айминь козни, не очерняла ее перед отцом и матерью, не подговаривала слуг вредить сестре — лишь искренне радовалась, что жизнь ее сложилась чуть лучше. В этих размышлениях, на самом деле, Четвертая принцесса почти и не думала о старшей сестре, ее заменяя неким расплывчатым образом грядущей неудачи, которой, к счастью, удалось избежать. Что же до настоящей Фу Айминь — Фу Лихуа до нее не было никакого дела.

Из размышлений тягучих, словно патока, Четвертую принцессу вывел звук в стороне. Она невольно остановилась и поглядела на деревянный павильон, где мелькнула темная тень. Служанки тоже остановились и одна из них, та, что осталась рядом с госпожой, сурово крикнула:

— Кто там? Идет Ее Высочество: выйди и поприветствуй ее, как полагается!

Из павильона опасливо выглянула девушка в одеждах низшей рабыни запретного города. Несмотря на холод, рукава ее простого платья были подняты до самых локтей, показывая всему миру алые руки в рубцах и царапинах. Девушка низко опускала голову, но было заметно, что лицо ее грубое и безобразное, с глубоко посаженными глазами и толстыми, словно гусеницы, губами. Даже смотреть на такую дурнушку на фоне прекрасных пейзажей Запретного города было тяжело, потому Фу Лихуа отвела взгляд, а ее служанка сказала:

— Что ты тут делаешь? Это личный сад моей госпожи, тут запрещено гулять людям дворцового управления!

— Я... прошу прощения! — запричитала девушка, упав на колени. — Эта служанка несла вещи служанок госпожи из дворцового управления, я всегда хожу зимой этой дорогой, чтобы не мешать Вашему Высочеству, я не знала, что сегодня вы будете гулять здесь! Простите, я не хотела подслушивать!

Фу Лихуа вздохнула. Умная девушка не заикнулась бы о том, что что-то слышала — эта же принялась извиняться. Она словно сама напрашивалась на неприятности, сначала попадаясь на глаза принцессе, затем смущая ее своими речами.

Четвертая принцесса, однако, не была злодейкой, потому с долей раздражения вздохнула:

— Разве мы что-то говорили? Только обсуждали поэзию.

— Как? — удивилась служанка и подняла свое глупое лицо, искаженное искренним удивлением. — Разве не вы говорили только что о Первой принцессе и замужестве?..

— Дура! — не выдержала одна из служанок принцессы. — Ты ничего не слышала, поняла? Если услышу хоть намек на слух, порочащий мою госпожу, вырву тебе язык!

— Простите, простите, помилуйте! — запричитала девушка, вновь упав лицом в снег. Из-за положения голос ее стал глуше. — Эта служанка не смеет, не смеет вам ничего говорить! Просите, что даже помыслила предложить!.. Помилуйте!

— Иди отсюда! — прикрикнула служанка принцессы, но сама Ее Высочество вдруг остановила девушку. Она спросила, стараясь не выдавать своего интереса:

— О чем ты? Что ты хотела предложить?

Служанка на земле сжалась:

— Я не смею...

— Говори, когда тебя спрашивают! — рассердились приближенные принцессы. Сама она не останавливала их, но и не наущала, стремясь выглядеть ко всему происходящему безразличной. Лишь после того, как служанки принцессы несколько раз пригрозили рабыне, она испуганно подняла голову и указала Фу Лихуа на галерею.

— Пройдемте туда, Ваше Величество... Нехорошо, если нас кто-то услышит.

Служанки госпожи вновь хотели возмутиться — но Фу Лихуа была заинтригована уже достаточно, чтобы последовать за странной девушкой. Та только зайдя под крышу, не отряхнув от снега своих юбок и внимательно оглядевшись, шепотом рассказала:

— Ваше Высочество, видят боги, я не хотела подслушивать ваш разговор, а подслушав, подумала кое о чем...

— О чем? — спросила одна из служанок. — Не томи!

Девушка торопливо начала рассказывать:

— Я служу во дворце несколько лет, а еще за год до того мой старший братец стал заклинателем в цзянху и как раз перед моим отбытием приехал, чтобы попрощаться. Тогда, провожая меня, он дал мне с собой одно чудесное снадобье, которое добыл вне столицы...

— Снадобье? — зачарованно спросила Фу Лихуа. — Какое?

— Сама я глупа и не знаю, из чего он приготовлено, но братец сказал вот что: если однажды случится так, что я чего-то страшно не захочу делать, нужно выпить это снадобье, а на следующий день поговорить с человеком, который меня заставляет то делать — и он передумает!

— Сказки, — фыркнула одна из служанок. — Думаешь, кто-то поверит в твои рассказы?

— Это чистая правда! — уязвленно ответила девушка. — Мой брат любит меня и не стал бы врать! Это снадобье ему дал его учитель, который мог ходить под землей и меж облаков парить, словно птица. Учитель хотел, чтобы в случае чего брат смог защитить себя, но он решил, что мне будет нужнее. Ваше Высочество, услышав о ваших бедах я тут же вспомнила о

том снадобье...

— И где же оно? — спросила Фу Лихуа.

Девушка тут же полезла в рукав своего перештопанного платья и достала оттуда маленький пузырек из чистого хрусталя. Смотрелся он в грубых руках ужасно неуместно и в самом деле будто принадлежал миру другому, полному заклинателей и разных волшебных редкостей. Четвертая принцесса смотрела на бутылек, словно зачарованная.

— Мы не станем тебе верить, — между тем говорили служанки принцессы. — А за обман Ее Высочества тебя высекут палками!

— Я не вру, не посмела бы врать! — испуганно, но твердо ответила девушка. — Услышав слова Вашего Высочества, я подумала, что вам это снадобье будет куда важнее, чем мне...

— Хорошо, давай, — тут же ответила Фу Лихуа. Служанки попытались ее вразумить.

— Госпожа, все это выдумки!

— Не поддавайтесь на придумки этой дурнушки, это может быть опасно!..

— Я сама решу, что выдумки, а что правда, — сурово одернула их Четвертая принцесса. — Да и кто бы посмел вредить мне в моем же поместье? Она рабыня в дворцовом управлении, ее лицо мы видели — если решит навредить мне или обмануть, ее и девять поколений ее семьи казнят!

— Я бы не посмела!.. — побледнев, залепетала девушка. Поджав губы, служанка принцессы все же забрала у нее хрустальный бутылек, а взамен дала нитку крупного жемчуга, наказав молчать о произошедшей встрече. Только после того, как служанки тщательно оттерли бутылек белоснежными платками, они отдали его в руки Фу Лихуа — и та глядела на снадобье словно на величайшее в мире сокровище.

Четвертая принцесса много слышала про цзянху, и для нее это был мир полный тайн и романтики, какая запрещена была за красными стенами дворца. Мир заклинателей и демонов должен был быть невероятен — иначе Пятый принц не стал бы сбегать туда: так рассуждала девушка. Лишь для вида поддавшись уговорам служанок, она не стала сразу проверять содержимое бутылки, а поставила его в своей спальне на высокую полку, иногда бросая на таинственное свечение снадобья любопытные взгляды.

Глубоким вечером одна из служанок Фу Лихуа, сопровождавшая ее в саду, спешила во двор Парящего феникса с бледным от тревоги лицом. Безобразную девицу, что ранее отдала Ее Высочеству волшебный бутылек, нашли повешенной в холодном дворце. Чего бы ей это ни стоило, служанка планировала отобрать столь опасную вещь у своей легковой госпожи — но, вбежав в ее покои, обнаружила ту лежавшей на полу без дыхания. На изящном столике около кровати Фу Лихуа стояла пиала с остатками чая и хрустальный бутылек, на донышке которого осталось несколько капель яда. Покои красивой, но глупой Четвертой принцессы в ту ночь до самого рассвета оглашал жалобный плач: а в столице едва ли легкая улыбка тронула янтарные глаза от идеального воплотившегося плана.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1737432>